

ВОЗВРАЩЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА ИЗ ЭМИГРАЦИИ В РОССИЮ В АПРЕЛЕ 1917 г.

А. В. ЛУКАШЕВ

Первые известия о победе Февральской революции в России В. И. Ленин получил в Цюрихе 2 (15) марта 1917 г. С этого дня вся деятельность вождя большевистской партии сосредотачивается на дальнейшей разработке стратегии и тактики партии в революции, на изыскании путей быстрейшего возвращения на родину. В. И. Ленин рвался в революционную Россию, чтобы непосредственно на месте принять участие в борьбе партии и всех трудящихся за победу социалистической революции. Было рассмотрено несколько вариантов возвращения в Россию — на аэроплане, при помощи контрабандиста, по чужому паспорту, — но все они оказались неосуществимыми. «Мы боимся, — писал В. И. Ленин 4 (17) марта А. М. Коллонтай, — что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»¹.

Отсутствие В. И. Ленина в России сказывалось на всей работе Бюро ЦК и партийных организаций. Революционная Россия ждала Ильича. Партийные организации и рабочие, принимая на собраниях и митингах приветствия В. И. Ленину, выражали горячее желание скорее видеть его в своих рядах. Вспоминая о первых днях революции, рабочий Сестрорецкого завода А. М. Афанасьев писал: «Очень хотелось, чтобы Ильич был здесь, вместе с нами, чтобы он руководил революцией на месте»².

Настроение большевистских партийных организаций хорошо было выражено в приветствии Московского областного бюро ЦК и МК РСДРП(б) В. И. Ленину. Горячо приветствуя Ильича «как неутомимого борца и истинного идейного вождя российского пролетариата», московские большевики писали: «...с нетерпением ждем Вашего возвращения в наши ряды»³. Бюро ЦК РСДРП(б) с первых дней революции принимало все меры к тому, чтобы помочь В. И. Ленину быстрее вернуться в Россию. Если рабочие массы и большевистские организации России с нетерпением ждали своего вождя, то с еще большим нетерпением стремился в Россию сам В. И. Ленин. «Вы можете себе представить, — писал он в одном из писем, — какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»⁴.

Но, несмотря на политическую амнистию, провозглашенную Временным правительством в самые первые дни революции, прошел почти месяц, прежде чем В. И. Ленину удалось вырваться из его, как он выражался, «проклятого далека».

Амнистия политическим заключенным и эмигрантам была одним из завоеваний Февральской революции. В дни свержения монархии рево-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 241.

² «Комсомольская правда», 16 апреля 1937 г.

³ «Социал-демократ», № 1, 7 марта 1917 г.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 249.

люционные массы осуществляли политическую амнистию в России явочным порядком: захватывали тюрьмы и освобождали политических заключенных. Вслед за Петроградом и Москвой узники царизма были освобождены в Нижнем Новгороде, Самаре, Ревеле, Твери, Челябинске, Минске, Туле, Киеве, Одессе и в других городах. Многие политические ссыльные, узнав в далекой Сибири о свержении царизма, не дожидаясь разрешения Временного правительства, снимались с мест поселения и спешили на зов колокола революции.

Рабочие, солдаты и крестьяне на митингах и собраниях, проходивших в первые дни марта, включали в свои резолюции требования немедленной амнистии политическим заключенным и возвращения в Россию политических эмигрантов — изгнанников царизма. Всенародное требование амнистии отразилось и в первых документах Петроградского Совета. Среди условий, на которых Исполком Совета сдавал 2 марта власть создававшемуся Временному правительству, на первом месте стояло проведение полной и немедленной амнистии по всем политическим и религиозным делам⁵.

В первые дни революции Временное правительство не могло противостоять бурному напору революционных масс и вынуждено было согласиться на проведение амнистии, указ о которой был издан 6 марта⁶.

Но если в отношении политических заключенных и ссыльных при активном участии народных масс амнистия была осуществлена быстро, то иначе обстояло дело с возвращением политических эмигрантов, число которых за границей достигало 4—5 тыс. человек.

При получении известий о революции в России русская политическая эмиграция за границей пришла в движение: эмигранты жадно ловили каждую весточку о событиях на Родине, бурно обсуждали их и рвались в Россию. Но для большинства из них провозглашенная Временным правительством амнистия не означала еще практической возможности возвращения на Родину.

На заседании Временного правительства 8 марта Керенский, разыгравший лидера революционной демократии, высказался о желательности содействия со стороны правительства возвращению эмигрантов. Министр иностранных дел Милюков лживо заявил, что им уже приняты меры в этом отношении. В связи с этим заявлением никаких решений о содействии возвращению эмигрантов не последовало⁷.

Но принимать решения заставляла сама жизнь. «Мы требуем,— писали в тот же день в своей резолюции рабочие петроградского завода „Динамо“,— чтобы декрет об амнистии был бы немедленно проведен в жизнь...»⁸. Такие же резолюции были приняты на многих заводах и фабриках Петрограда и других городов России, в воинских частях и на кораблях Балтийского флота. Из-за границы в адрес правительства и Петроградского Совета стали поступать телеграммы от эмигрантских организаций с требованием оказать помощь в возвращении в Россию. Русские посольства и миссии за границей осаждались эмигрантами, требовавшими виз на въезд в Россию. Послы и посланники телеграфировали в Петроград: «Как быть?»⁹.

10 марта Милюков телеграфировал им: «Благоволите оказать самое благожелательное содействие всем русским политическим эмигрантам

⁵ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 4, 3 марта 1917 г., стр. 4.

⁶ «Указы Временного правительства: 346. Об амнистии. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате», 7 марта 1917 г., № 55, стр. 535—537.

⁷ «Журнал заседаний Временного правительства», № 11, 8 марта 1917 г.

⁸ «Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы», М., 1957, стр. 466.

⁹ АВПР, ф. Правовой департамент (адм. делопроизводство), 1917, оп. 455г, д. 22, л. 1; д. 27, лл. 1, 9; д. 29, л. 5.

к возвращению на родину». Далее министр предлагал в случае необходимости снабжать эмигрантов средствами на проезд и проявлять к ним «самое предупредительное отношение»¹⁰. Этот ответ был рассчитан прежде всего на то, чтобы успокоить общественность, революционные массы. На него ссылались каждый раз, когда вставал вопрос о препятствиях, чинимых возвращению эмигрантов. Однако к большинству эмигрантов телеграмма Милюкова не относилась — она касалась только тех из них, которые нужны были правительству.

Ответ Милюкова предназначался для сцены. Другая, секретная телеграмма была для кулис. Она появилась на следующий день — 11 марта. «При желании наших политических эмигрантов возвратиться в Россию,— говорилось в ней,— благоволите незамедлительно снабжать их установленными консульскими паспортами для въезда в Россию.., если только лица эти не значатся в международных или наших военных контрольных списках»¹¹. Таким образом, Милюков крепко-накрепко захлопывал дверь в революционную Россию всем эмигрантам-интернационалистам. Возвращению же эмигрантов-оборонцев, особенно их лидеров, оказывалось самое полное содействие. 10 марта из Министерства иностранных дел послу в Париже Извольскому телеграфировалось: «Министр просит безотлагательно оказать содействие возвращению в Россию на основаниях, указанных в номере 1047 сего числа, Плеханову, секретарю редакции „Appel“ Авксентьеву и другим русским эмигрантам-социалистам, которых Авксентьев укажет»¹². Лидер правых эсеров Н. Авксентьев по вопросам войны занимал крайне шовинистическую позицию, и Милюков знал об этом. Нетрудно представить, каких эмигрантов мог указать Авксентьев русскому посольству в Париже для быстрой отправки в Россию. Временное правительство давало указания своим послам в Париже и Лондоне о содействии в возвращении из-за границы и многим другим видным эмигрантам-оборонцам: В. Чернову, Б. Савинкову, Л. Дейчу и т. п.¹³.

Возвращая из эмиграции в Россию видных социал-шовинистов, Временное правительство способствовало тем самым укреплению мелкобуржуазных соглашательских партий, на которые оно опиралось в проведении своей антинародной империалистической политики. По этой же

¹⁰ Там же, ф. Посольство в Париже, д. 3560, л. 8.

¹¹ Там же, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 97, т. I, л. 88. Международные контрольные списки лиц, которым не разрешался въезд в страны Антанты, были составлены военными представителями Англии, Франции и России в Междусоюзническом бюро в Париже в 1915—1916 гг. Наряду с лицами, подозреваемыми в шпионаже в пользу Германии, в них были включены и лица, выступавшие против войны и заподозренные в силу этого в пропаганде мира.

В контрольных списках содержались, например, такие мотивировки включения в них тех или иных лиц: «Подозревается в пропаганде о заключении мира»; «Принимал живейшее участие в последней Кинтальской интернационалистической конференции; объехал северные страны Европы с целью пропаганды среди социалистов Дании, Норвегии и Швеции заключения мира»; «Агент мирной и антимилитаристической пропаганды и въезд его в Россию нежелателен» и т. д. Всего в эти списки было внесено до 6000 человек.

Помимо международных контрольных списков, существовали еще и списки по отдельным странам: французские, английские, русские, в которые дополнительно были включены многие лица, не вошедшие в общие списки. (См. АВПР, ф. Правовой департамент, оп. 455г, д. 154, т. I, лл. 234—235, 238—246, 249—275, 347—431, 490; т. II, лл. 1—19, 77—85, 113—121, 149—152).

¹² АВПР, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 97, т. I, л. 71. «Номер 1047» — телеграмма Милюкова от 10 марта, предписывавшая послам проявлять к эмигрантам «самое предупредительное отношение». Никакого упоминания о контрольных списках в этой телеграмме, конечно, не содержалось. «Appel» («Призыв») — газета меньшевиков и эсеров; издавалась в Париже с октября 1915 г. по март 1917 г. «„Призыв“ гг. Плеханова, Бунакова и К^о. — писал Ленин, — вполне заслужил одобрение шовинистов... в России». В. И. Ленин. Полн. собр. соч. (далее: ПСС), т. 27, стр. 83.

¹³ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, т. II, л. 409; ф. Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 617, л. 217; ф. Правовой департамент, оп. 455г, д. 75, л. 42.

причине возвращению их в Россию активно содействовали и правительства Англии и Франции¹⁴.

Свою двурушническую политику в отношении эмигрантов Временное правительство проводило замаскированно, так как понимало, что открытое противодействие возвращению интернационалистов вызовет взрыв негодования революционных масс России. Милюков учил царских послов, оставшихся на своих постах, маскировать свои действия. Он разъяснял им, что «по соображениям внутренней политики» нецелесообразно открыто «проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и непацифистами» и просил их сообщить об этом правительствам, при которых они были аккредитованы¹⁵. Временное правительство знало, что если контрольные списки остаются в силе, то интернационалисты виз на въезд в Россию все равно не получат¹⁶.

Если Временное правительство «по соображениям внутренней политики» скрывало правду о чинимых им препятствиях к возвращению интернационалистов, то правительства Франции и Англии прямо заявляли русским послам, что эмигрантов-интернационалистов в Россию они пропускать не будут. На совещании в русском посольстве в Париже в середине марта военный агент граф А. А. Игнатьев заявил: «Как французские военные власти, так и общесоюзническое военное управление считают желательным, чтобы большинство из эмигрантов оставалось во Франции, где над пребыванием и деятельностью их установлен бдительный надзор и где каждое, опасное с точки зрения пропаганды и пацифизма, выступление их может быть остановлено французской властью»¹⁷. Посол Извольский информировал участников совещания о за-

¹⁴ Российский поверенный в делах в Англии К. Д. Набоков в своих воспоминаниях писал: «Вопросом о возвращении в Россию некоторых русских эмигрантов заинтересовался Ллойд-Джордж. Однажды ко мне явился один из его личных секретарей и, предъявив мне список 16-ти русских эмигрантов, просил меня оказать им содействие, причем заверил, что премьер-министр со своей стороны „примет все зависящие меры“». В списке этом были Б. В. Савинков, Н. Д. Авксентьев и Лев Дейч с женою». Как видно из документов, Набоков просил Министерство иностранных дел срочно ознакомиться Керенского со списком этих 16 эмигрантов-шовинистов и телеграфировать ему, «считает ли последний желательным, чтобы посольство оказало особое содействие к возвращению упомянутых лиц в Россию в первую очередь». На свой запрос Набоков 27 марта получил ответ Милюкова. «Можете оказать особое содействие к возвращению в Россию в первую очередь перечисленных в вашей телеграмме эмигрантов» (К. Д. Набоков. Испытания дипломата, Стокгольм, 1921, стр. 82—83; АВПР, ф. Правовой департамент, оп. 455г, д. 81, лл. 4, 7.; ф. Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 617, л. 189).

¹⁵ А. Л. Попов. Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. «Красный архив», 1927, т. I (XX), стр. 9; АВПР, ф. Посольство в Париже, д. 3557, л. 16; ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 97, т. II, л. 383.

¹⁶ Контрольные списки за границей хранились у русских военных агентов; миссии и посольства их не имели. При визировании паспортов эмигрантам списки желающих вернуться в Россию передавались из посольств военным агентам, которые вычеркивали из них лиц, включенных в контрольные списки. Вскоре после Февральской революции слухи о контрольных списках проникли в печать, вызвав глубокое возмущение общественности. В связи с этим Милюков в демагогических целях завел переписку с начальником Генерального штаба П. И. Аверьяновым, которого просил принять меры к пересмотру контрольных списков и исключению из них политических эмигрантов. В результате «пересмотра» из списков было исключено... 7 человек. О действительных результатах «пересмотра» контрольных списков можно судить по телеграмме комиссара Временного правительства за границей Сватикова, который в середине августа 1917 г. поставил перед Временным правительством вопрос о необходимости пересмотра контрольных списков. «Я считаю высшим неприличием.— писал Сватиков,— что среди международных шпионов на первом месте стоит фамилия министра внутренних дел Авксентьева» (АВПР, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 97, т. I, л. 224; д. 71, т. II, лл. 738, 923; ф. Посольство в Париже, д. 3559, л. 8; д. 3557, л. 14; ф. Правовой департамент, оп. 455г, д. 31, л. 1; д. 27, лл. 38—39об.; д. 3, лл. 2, 6, 7, 31; оп. 455, д. 154, т. I, лл. 277—279, 385). Авксентьев стоял на первом месте в контрольных списках потому, что списки составлялись по алфавиту. В списки он был включен вследствие чрезмерного усердия царских полицейских и военных властей, так как, будучи ярким шовинистом, против войны никогда не выступал.

¹⁷ АВПР, ф. Посольство в Париже, д. 3557, л. 291.

явлении, сделанном ему во французском Министерстве иностранных дел, что «правительство республики озабочено предстоящим водворением эмигрантов в Россию вследствие пацифистских направлений у многих из них; во Франции опасаются, что с прибытием на родину они не воздержатся там от пропаганды своих идей немедленного заключения мира»¹⁸. О разговоре Извольского с французским правительством английский посол в Париже лорд Берти доносил в Лондон более определенно: «Русский посол здесь,— писал он,— действуя по указаниям своего правительства, обратился к французскому правительству с просьбой разрешить всем русским политическим эмигрантам вернуться. Однако французской полиции дано указание не разрешать отъезд экстремистов»¹⁹. Решительно воспротивилось возвращению интернационалистов в Россию и английское правительство²⁰.

Выяснив намерения союзных правительств в отношении эмигрантов — противников войны, Извольский телеграфировал в Петроград: «Великобританское и французское правительства относятся с большим опасением к возвращению этих пацифистов в Россию ввиду вероятности пропагандирования ими там немедленного заключения мира. Имеются вполне определенные данные, что эти два правительства окажут противодействие выезду их из Франции и проезду их через Англию»²¹.

Подавляющее число эмигрантов, проживавших в Швейцарии (примерно 80%), являлись, по терминологии Извольского, «пацифистами». Поэтому по отношению к ним английское правительство приняло совершенно конкретные меры. «По телеграфному распоряжению английского Военного министерства,— сообщал 17(30) марта в Петроград российский поверенный в делах в Швейцарии Ону,— английскими властями в Швейцарии... прекращена виза паспортов на проезд в Россию и скандинавские страны. Исключения делаются только для официальных лиц союзных стран»²².

У интернационалистов, проживавших в Швейцарии, при таком решении вопроса правительствами Франции и Англии оставалась лишь одна дорога в Россию — через Германию. Но эмигранты всего этого сначала не знали. Не знал этого и В. И. Ленин.

4(17) марта в заграничных газетах появились первые сообщения о политической амнистии в России²³. С этих дней движение среди эмигрантов за быстреее возвращение на родину особенно усилилось. Повсеместно стали создаваться эмигрантские комитеты по возвращению в Россию, посыпались запросы в посольства и миссии за границей и непосредственно в Петроград о путях возвращения.

Сразу же по получении известий об амнистии В. И. Ленин начал разрабатывать план возвращения в Россию через Англию. «Вчера (суб.) прочел об амнистии. Мечтаем все о поездке,— писал он И. Ар-

¹⁸ Там же, л. 296.

¹⁹ Там же, ф. Канцелярия, «Война», д. 205, л. 32.

²⁰ Английское правительство не только не выпускало эмигрантов-интернационалистов из Англии, но и препятствовало их возвращению в Россию из других стран через Англию. 23 марта по приказу Великобританского адмиралтейства канадские власти в Галифаксе подвергли аресту группу эмигрантов, направлявшихся из Нью-Йорка в Россию через Англию на пароходе «Христиания Фиорд» на том основании, что они были связаны с руководителями интернационалистски настроенных кругов русской социал-демократии. (АВПР, ф. Правовой департамент, оп. 455г, д. 38, лл. 1, 3).

²¹ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 71, л. 206.

²² Там же, ф. Правовой департамент, оп. 455г, д. 5, л. 3. Английское правительство, прекращая визирование паспортов на выезд из Швейцарии в Россию и скандинавские страны, ссылалось на отсутствие регулярного пароходного сообщения между Англией и Скандинавией. Однако это не помешало ему отправлять в Россию оборонцев.

²³ «Allgemeine Amnestie». «Vorwärts», Berlin, 1917, № 75, Sonnabend, den 17 März.

манд в Кларан 5(18) марта.— Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать»²⁴.

В. И. Ленин хорошо знал, что ехать через Англию просто так ни он, ни другие видные большевики не могут. Английские власти были достаточно хорошо осведомлены об их революционной деятельности, знали их отношение к империалистической войне. При проезде через Англию их могли задержать и даже арестовать. Относительно себя он в этом нисколько не сомневался. «Я уверен,— писал он И. Арманд 6(19) марта,— что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, ибо именно Англия не только конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (ее полиция) папашу в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносится ли через меня с немец[ими] социалистами. Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма „особых“ мер»²⁵. И В. И. Ленин набрасывает примерный текст условий проезда через Англию, предусматривавших эти «особые» меры, которые следовало согласовать с английским правительством путем переговоров. Эти условия предусматривали предоставление швейцарскому социалисту Ф. Платтену права провоза через Англию любого числа эмигрантов, независимо от их отношения к войне, предоставление вагона, пользующегося правом экстерриториальности на территории Англии, а также возможности быстрой отправки эмигрантов из Англии пароходом в порт любой нейтральной страны. Английское правительство должно было дать гарантии соблюдения этих условий и согласиться на опубликование их в печати²⁶.

Узнав, что И. Арманд никуда пока не едет, В. И. Ленин решил попросить кого-либо другого из эмигрантов поехать в Англию, чтобы там на месте выяснить о возможности проезда в Россию. «Попытаюсь уговорить Валю поехать,— писал он И. Арманд 6(19) марта,— (она в субботу приехала к нам...). Но она революцией мало интересуется»²⁷. Однако до разговора в Англии дело не дошло. Все выяснилось еще в Швейцарии. В. Сафарова живо отозвалась на просьбу Владимира Ильича и отправилась к английскому посланнику за визой. Там зашел разговор о цели поездки в Лондон. О его результатах В. И. Ленин сообщил 10(23) марта в Кларан: «Вале сказали, что через Англию вообще нельзя (в английском посольстве)»²⁸. Однако и после столь решительного отказа в английской миссии В. И. Ленин и другие большевики-эмигранты предприняли еще ряд попыток выяснить возможность возвращения в Россию через союзные ей страны. Но и на этот раз результаты были неутешительные²⁹.

²⁴ «Правда», № 106(15962), 16 апреля 1962 г.

²⁵ «Папаша» — партийная кличка М. М. Литвиньова.

²⁶ Во всем главном и принципиально существенном эти условия совпадали с теми, на которых впоследствии состоялся проезд первой группы русских политических эмигрантов из Швейцарии в Россию через Германию.

²⁷ «Валя» — жена политического эмигранта Г. И. Сафарова.

²⁸ «Правда», 16 апреля 1962.

²⁹ Как доносили в Париж органы французской контрразведки 23 марта (5 апреля) 1917 г., в частном разговоре один политический эмигрант в Швейцарии заявил, что их группа «в ближайшее время отправляется в Россию для ведения там в социалистических кругах пропаганды в духе Циммервальдской конференции. Он сказал, что французские власти не разрешили им проезд через Францию...». В донесении разведывательного отдела штаба французской армии от 3(16) апреля 1917 г. об отъезде 27 марта (9 апреля) из Швейцарии в Россию группы русских политических эмигрантов во главе с В. И. Лениным сообщалось, что «эти лица запросили в вице-консульстве Англии в Лозанне разрешение на право проезда через Англию, но так как им было отказано в их просьбе, они обратились в германское консульство». Начальник русского отдела Междусоюзнического бюро в Париже граф П. А. Игнатьев по просьбе генерал-квартирмейстера переслал летом 1917 г. в ГУГШ донесения русской контрразведки за границей по делу о проезде Ленина из Швейцарии в Россию. В этих донесениях содержатся

Из иностранных газет В. И. Ленин получил дополнительные сведения об отношении правительств Франции и Англии к возвращению в Россию эмигрантов-интернационалистов. В ленинских выписках из газеты «Frankfurter Zeitung» имеется такая запись: «Genf. 26.III. Большая телеграмма о настроении французов, как они боятся республики, боятся, что революция пойдет дальше, до террора,—посылают (они и англичане) в Россию (социал) патриотов, не пуская сторонников мира».

Из ленинских материалов видно, что план возвращения в Россию через Англию сравнительно долго, примерно до середины марта, оставался в поле зрения Владимира Ильича³⁰. Осуществлению его В. И. Ленин придавал тогда первостепенное значение. И только решительное противодействие союзных России правительств проезду интернационалистов через их страны вынудило русских эмигрантов в Швейцарии прибегнуть, как к последней возможности возвращения в Россию, к проезду через Германию. Это обстоятельство В. И. Ленин отмечал каждый раз, когда заходила речь о возвращении эмигрантов в Россию. Так, в коммюнике о проезде русских революционеров через Германию, переданном В. И. Лениным 31 марта (13 апреля) 1917 г. в Стокгольме в редакцию газеты «Politiken», совершенно определенно подчеркивалось, что практические шаги к возвращению в Россию через Германию швейцарскими эмигрантами были предприняты лишь после того, как бесспорно было доказано, что «английское правительство не пропускает в Россию живущих за границей русских революционеров, которые выступают против войны»³¹.

Разъясняя уже в России обстоятельства возвращения первой группы эмигрантов из Швейцарии, Н. К. Крупская в статье «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии» в мае 1917 г. писала: «Когда до Швейцарии дошла весть о русской революции, первой мыслью было немедленно ехать в Россию, чтобы там продолжать ту работу, которой отдана была вся жизнь, и уже в условиях свободной России отстаивать свои взгляды. Очень скоро выяснилось, что ехать через Англию нет никакой возможности. Тогда среди эмигран-

такие сведения: 1) «...Усиевич, жил в Лозанне. Зять Кона. Запросил паспорт у английского консула, в котором ему отказано. Уехал в Россию через Германию...» 2) «...В начале апреля Ленин... имел первое совещание с Гриммом по поводу отправки в Россию эмигрантов... Установлено, что Ленин и его группа безусловно просили французские паспорта, но в выдаче таковых им было отказано» (ЦПА ИМЛ, ф. ДП, оп. 17, ед. хр. 38644, лл. 349, 350, 354).

³⁰ 10(23) марта В. И. Ленин в письме И. Арманд о невозможности проезда через Англию высказывался еще лишь предположительно: «Вот если *ни* Англия, *ни* Германия *ни за что* не пустят!!! А это ведь возможно!». Несколькими днями позднее (между 12 и 18 (25 и 31) марта) — он пишет об этом уже совершенно определенно: «В Россию, должно быть, *не* попадем!! Англия **не пустит**. Через Германию не выходит» (В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 248).

Остановиться сравнительно подробно на английском варианте ленинского плана возвращения в Россию важно и потому, что его обходят полным молчанием зарубежные буржуазные историки, тенденциозно расписывающие возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в 1917 г. на основании так называемых документов Министерства иностранных дел Германии (W. H a h l w e g. Lenins Reise durch Deutschland im April 1917. «Viertel Jahrschrift für Zeitgeschichte», Stuttgart, 1957, № 4; E r o же. Lenins Rückkehr nach Russland 1917, Leiden, 1957, Einleitung; Z. A. B. Z e m a n. Verbündete wieder Willen. Deutschlands Beziehungen zu den russischen Revolutionären (1915—1918), «Der Monat», Berlin, 1958 Hft. 120; D. G. W a t t. From the Finland Station «Spectator», London, № 6777, May 16, 1958; H. S c h u r e r. Alexander Helphand-Parvus... «The Russian Review», v. 18, № 4, October 1959, и др.). Буржуазные историки обходят этот вопрос, конечно, не без умысла: объективное и всестороннее освещение этой стороны подготовки Лениным отъезда в Россию с привлечением подлинных документов, скажем, Министерства иностранных дел Англии, пошло бы не на пользу их фальсификаторской концепции.

³¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 31, стр. 487.

тов возникла мысль получить при посредстве швейцарских товарищей пропуск через Германию»³².

Мысль получить разрешение на проезд через Германию в обмен на интернированных в России немцев и австрийцев возникла в эмигрантских кругах вскоре после получения известий об амнистии в России. Эмигранты знали, что во время войны между Россией и Германией через нейтральные страны неоднократно производился обмен военнопленными и военнопленными, и полагали, что объявленная Временным правительством амнистия откроет перед ними этот удобный путь возвращения на родину. На совещании представителей российских и польских социалистических организаций циммервальдского направления в Берне 6(19) марта этот план в самом общем виде был выдвинут лидером меньшевиков Мартовым. Одному из руководителей швейцарской социал-демократии Р. Гримму было тогда поручено позондировать правительство Швейцарии о согласии на посредничество в переговорах по этому вопросу с представителями немецких властей в Берне³³. Одновременно с этим участник совещания Зиновьев по поручению В. И. Ленина в телеграмме Пятакову, выезжавшему в это время из Норвегии в Россию, писал, чтобы и в Петрограде потребовали участия швейцарского правительства в переговорах с немцами о пропуске эмигрантов в обмен на интернированных в России немцев³⁴.

Взоры В. И. Ленина были обращены в это время еще на Англию: он выяснял возможность проезда эмигрантов через союзные России страны. Но, будучи не уверен в согласии английского правительства на пропуск интернационалистов, он не упускал из виду и других возможных путей возвращения в Россию. В этом проявилась дальновидность вождя большевистской партии.

Не зная еще всей тайной дипломатии, развернувшейся вокруг вопроса о возвращении эмигрантов, Ленин заранее предвидел возможные трудности и осложнения в этом деле и заранее искал пути и способы их преодоления. Независимо от Мартова, еще не зная о его плане, он советовал эмигрантам поинтересоваться и другими возможными способами возвращения на родину и, в частности, возможностью получения разрешения на проезд через Германию³⁵. В. И. Ленин считал целесообразным через проживающих в Женеве и Кларане русских «попросить у немцев пропуска — вагон до Копенгагена для разных революционеров». При этом он совершенно определенно подчеркивал, что подобная просьба должна исходить от беспартийных русских и лучше всего — от социал-патриотов. «Я не могу этого сделать. Я „пораженец“... Если

³² «Солдатская правда», № 21, 13(26) мая 1917 г. Статья Н. К. Крупской была написана при непосредственном участии В. И. Ленина, который не только тщательно ее проредактировал, но и вписал в нее ряд важных положений. О том, что первоначальный план возвращения в Россию предусматривал проезд через союзные ей страны, сообщает в своих воспоминаниях и эмигрант-большевик Г. Шкловский. «Первый путь, казалось бы, наиболее легкий,— пишет Шкловский,— оказался для Владимира Ильича и его друзей наиболее трудным, а при детальном изучении вопроса и совершенно невозможным. Это — путь, по которому хлынула в Россию вся патриотствующая эмиграция,— через Францию, Англию, а затем морем в Петроград...» («Пролетарская революция», 1926, № 1(48), стр. 7).

³³ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 124.

³⁴ См. «Ленинский сборник XIII», стр. 254.

³⁵ В. И. Ленин рекомендовал эмигрантам выяснить в Российской миссии в Швейцарии возможность получения паспортов и виз на въезд в Россию, возможность получения у проживающих в Швейцарии русских их паспортов для эмигрантов и т. д. Сам Владимир Ильич 6(19) марта просил жившего в Женеве В. А. Карпинского взять за его (Карпинского) имя бумаги на проезд во Францию и Англию, по которым Ленин мог бы проехать в Россию (см. В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 242). Но от этого плана пришлось отказаться как от неосуществимого (см. В. А. Карпинский. Владимир Ильич за границей в 1914—1917 гг. По письмам и воспоминаниям. «Записки Института Ленина», II, 1927, стр. 106).

узнают, что сия мысль *от меня* или *от Вас*, исходит,— писал он И. Арманд 6 (19) марта,— *то дело будет испорчено...*».

В. И. Ленин понимал, что ни он, ни другие большевики, последовательные интернационалисты, не могут выступать инициаторами поездки через Германию, что империалистическая буржуазия и социал-шовинисты использовали бы это в клеветнических целях против большевистской партии.

Стремясь как можно скорее выехать в Россию, Ленин в то же время не допускал никакой опрометчивости в своих действиях, проявлял присущую ему политическую выдержку и принципиальность. По этим соображениям он решительно отклонил предложение Я. С. Ганецкого, рекомендовавшего получить пропуск на проезд при содействии немецких социал-демократов³⁶.

Когда Владимиру Ильичу стало окончательно ясно, что путь интернационалистам через Англию закрыт, а в Женеве и Кларане в отношении вагона до Копенгагена ничего предпринято не было, он обратился к плану Мартова — ведь это было почти то, о чем он писал И. Арманд. Свое отношение к плану Мартова В. И. Ленин высказал в письме к В. А. Карпинскому, который информировал его о положении дел в Женеве в связи с планом Мартова. В ответном письме Владимир Ильич план Мартова одобрил, нашел, что этот «план, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен», что «за него *надо* хлопотать»³⁷. При этом Ленин вновь подчеркнул, что надо сделать так, чтобы, кроме Мартова, с просьбой о посредничестве к швейцарскому правительству обратились беспартийные русские и оборонцы, что большевики непосредственно в этом деле участвовать не могут. «*Нас* заподозрят,— писал он Карпинскому,— ...наше участие *испортит* все»³⁸. Дата написания этого ленинского письма точно еще не установлена. Бесспорно одно, что оно было написано Лениным после того, как выяснилась невозможность проезда интернационалистов через Англию. В. А. Карпинский в своих воспоминаниях пишет, что к моменту получения им этого письма Ленина «уже вполне выяснилось, что всякие надежды на проезд через „антантовское царство“ должны быть оставлены»³⁹.

В. И. Ленин писал Карпинскому, что продвигать план Мартова можно и в Женеве, привлекая к этому делу влиятельных людей, адвокатов и т. п. Но практически за его осуществление взялся Швейцарский Центральный комитет для возвращения политических эмигрантов в Россию, созданный в Цюрихе 10(23) марта⁴⁰.

³⁶ «Берлинское разрешение для меня неприемлемо»,— писал В. И. Ленин Ганецкому 15(28) марта (В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 386). Через два дня он вновь писал Ганецкому по поводу его предложения: «От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю „Колокола“, я, конечно, не могу». (Там же, т. 35, стр. 249). Издателем выходившего в Берлине журнала «Колокол» был социал-шовинист Парвус.

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 381.

³⁸ Там же.

³⁹ В. А. Карпинский. Указ. соч., стр. 107.

⁴⁰ Швейцарский Центральный комитет для возвращения политических эмигрантов в Россию. Гектографированная листовка. Цюрих, 24 марта 1917 г. Подлинник. Государственная публичная библиотека им. В. И. Ленина, музей книги.

Комитет в Цюрихе объединял сначала российских эмигрантов-социалистов всех направлений, но 2(15) апреля из него вышли социал-патриоты, образовав в Берне свой комитет, представлявший 160 эмигрантов, сторонников «национальной обороны». После этого Цюрихский комитет объединял 560 эмигрантов, преимущественно интернационалистского направления. («У союзных миссий,— писал Ону в Петроград.— Комитет пользуется отвратительной репутацией». АВПР, ф. Правовой департамент, оп. 455г, д. 30, л. 14). В первые же дни существования комитета была создана Исполнительная комиссия, в которую вошли Адлер, Андронников, Багоцкий, А. Балабанова, Болотин, Иоффе, Ф. Кон, Мандельберг, Рейхесберг, Семковский, Г. Ульянов, Устинов, Фраткин. Председателем комиссии был Семковский, секретарем Багоцкий. (В телеграмме комиссии в Петроград, приведенной в книге Ф. Платтена «Ленин из эмиграции в Россию».

Вскоре после совещания в Берне Р. Гримм обратился к представителю швейцарского правительства Гофману с просьбой о посредничестве в переговорах с немецкими властями. От официального посредничества Гофман отказался, заявив, что правительства стран Антанты могут усмотреть в этом нарушение нейтралитета Швейцарией, но в качестве частного лица он вступил в переговоры с послом Германии в Берне и вскоре получил через него принципиальное согласие германского правительства на пропуск русских эмигрантов. От себя Гофман порекомендовал эмигрантам просить Временное правительство через правительство какой-либо нейтральной страны связаться по этому вопросу с немцами, как это всегда делалось при обмене военнопленными между Россией и Германией. В Петроград была послана соответствующая телеграмма⁴¹.

О согласии германского правительства Гримм сообщил секретарю Исполнительной комиссии эмигрантского комитета Багоцкому и Зиновьеву, которые просили его довести это дело до конца. Но представители других эмигрантских групп в Цюрихе не согласились с этим, заявив, что необходимо дождаться ответа из Петрограда.

В. И. Ленин никаких иллюзий относительно ответа из Петрограда не питал. Зная, чьи классовые интересы представляет Временное правительство, он не ждал ничего хорошего от вмешательства Милюкова и Керенского в дела швейцарских эмигрантов-интернационалистов. «Милюков надует», — писал он⁴².

Свои соображения о возможной помощи из Петрограда В. И. Ленин подробно изложил в письме Ганецкому 17 (30) марта. «...Приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К^о) способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму»⁴³. Единственную возможность для возвращения из Швейцарии в Россию Ленин видел в том, чтобы путем давления Петроградского Совета добиться от Временного правительства обмена всех эмигрантов на интернированных в России немцев⁴⁴.

Не имея возможности непосредственно связаться с Бюро ЦК и Петербургским комитетом партии, он просил Ганецкого послать для этой цели из Стокгольма надежного человека в Петроград. Это важно было сделать и по другим соображениям — чтобы помочь большевикам в Петрограде организовать переиздание заграничной большевистской литературы («Сборник «Социал-демократа», «Коммунист», опубликованные

Март 1917» (1925), на стр. 24 при перечислении фамилий членов комиссии к фамилии Ульянова дана неправильная расшифровка: «Ульянов (Ленин)». Членом комиссии был не В. И. Ульянов, а Г. К. Ульянов (депутат II Думы). С 23 марта (5 апреля) Исполнительная комиссия издавала Бюллетень. Комитетом выпускались циркулярные письма.

⁴¹ Телеграмма в Петроград была послана, видимо, 15 или 16(28 или 29) марта. См. письмо В. А. Карпинского В. И. Ленину от 23 марта (5 апреля) 1917 г. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 27450, л. 1; «Центральный Швейцарский комитет для возвращения политических эмигрантов в Россию. Бюллетень Исполнительной комиссии» (далее: «Бюллетень Исп. комиссии»), № 1, Цюрих, 5 апреля, стр. 2; № 1—2, Цюрих, 10 апреля, стр. 1; «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 125.

Отклоняя предложения Ганецкого о получении пропуска через Берлин, В. И. Ленин 15(28) марта телеграфировал ему: «Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена, или русское договорится об обмене всех эмигрантов на интернированных немцев». (В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 386).

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 387.

⁴³ Там же, т. 35, стр. 249.

⁴⁴ См. там же.

в «Социал-демократе» ленинские «Несколько тезисов» и др.), которая помогла бы партии выработать правильную тактику в революции⁴⁵.

В. И. Ленин всеми силами старался из Швейцарии помочь партии занять правильные позиции в новых условиях классовой борьбы, выработать марксистскую революционную тактику. Еще в телеграмме большевикам, отъезжавшим в Россию из Скандинавии в начале марта, он изложил основы тактики партии. В знаменитых «Письмах из далека» задачи партии и пролетариата в революции были сформулированы уже более подробно.

В. И. Ленин в Швейцарии располагал довольно скудными сведениями о положении в России, но и из них он уловил, какая сложная обстановка была в Петрограде, какие трудности переживала партия. «Условия в Питере архитрудные,— писал он.— Патриоты-республиканцы напрягают *все* усилия. Нашу партию хотят залить помоями и грязью...»⁴⁶. Отправляемые В. И. Лениным в Россию письма содержали его важнейшие принципиальные установки о тактике большевиков, отвечающей задачам момента. Но это еще не решало всех вопросов. В. И. Ленин понимал, что необходимо как можно скорее выехать в Петроград. И хотя Ленин писал, что нужно путем давления «Совета рабочих депутатов» добиться от правительства обмена швейцарских эмигрантов на интернированных немцев, он не очень-то рассчитывал и на помощь Совета, о соотношении классовых сил в котором уже имел представление. «Нет сомнения,— писал он,— что в Питерском Совете рабочих и солдатских депутатов многочисленны и даже, по-видимому, преобладают (1) сторонники Керенского, опаснейшего агента империалистской буржуазии...; (2) сторонники Чхеидзе, колеблющегося безбожно в сторону социал-патриотизма...»⁴⁷.

А ехать надо было, и как можно быстрее. Об этом говорили и вести, пришедшие к Ильичу в это время из России.

С первых дней Февральской революции Русское Бюро ЦК РСДРП(б) принимало все меры к тому, чтобы В. И. Ленин скорее вернулся в Россию и непосредственно на месте возглавил руководство партией и ее Центральным Комитетом. Зная, что эмигранты-большевики крайне стеснены в денежных средствах, Бюро ЦК 10 марта переводом в Стокгольм выслало Владимиру Ильичу из кассы ЦК 500 руб. на дорогу в Россию⁴⁸. Бюро ЦК и по почте и по телеграфу пыталось связаться с Лениным, чтобы подробнее информировать его о событиях в России, о положении дел в партии и поторопить его с отъездом из Швейцарии. Но телеграммы и письма большевиков властями Временного правительства задерживались и до Ленина не доходили. Большевистский партийный центр в России организовал тогда непосредственную связь с границей путем посылки в Стокгольм из Петрограда специального партийного курьера М. И. Стецкевич. 10 или 11 марта Стецкевич выехала в Стокгольм, захватив с собой письма и газеты для В. И. Ленина. Она имела также специальное поручение требовать его приезда в Россию⁴⁹. После встречи с Стецкевич Ганецкий 17 (30) марта

⁴⁵ См. там же, стр. 250—251.

⁴⁶ Там же, стр. 253.

⁴⁷ Там же, стр. 250. Опасения В. И. Ленина относительно позиции Петроградского Совета полностью оправдались. Исполком Совета, куда неоднократно обращались представители Бюро ЦК РСДРП(б), не предпринял никаких мер для содействия эмигрантам в возвращении на родину. Более того, заслушав на своем заседании 4 (17) апреля 1917 г. доклад Зурабова «К вопросу о положении швейцарских эмигрантов» и сообщение Ленина и Зиновьева «Как мы доехали», Исполком Совета отказался одобрить проезд эмигрантов через Германию (А. Шляпников. Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 г. «Ленинский сборник II», стр. 448—457; «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК», 1925, стр. 72—74).

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 134, л. I.

⁴⁹ А. Шляпников. Указ. соч., стр. 449.

телеграфировал В. И. Ленину в Цюрих, что Бюро ЦК шлет телеграммы и присылает связных в Стокгольм, требуя его немедленного прибытия в Россию, что многие меньшевики находятся уже в Петрограде, а «нашим не достает руководства», что надо торопиться, так как «каждый упущенный час ставит все на карту»⁵⁰.

Положение дел в партии и стране настоятельно требовало быстрее-шего возвращения В. И. Ленина в Россию. Однако против проезда через Германию без санкции Милюкова — Керенского решительно выступили эмигранты — меньшевики и эсеры. В этой сложной и трудной обстановке, взвесив все за и против, вождь большевистской партии принял единственно правильное, исходящее из интересов партии и революционной решение — воспользоваться согласием германского правительства и возвращаться в Россию через Германию. Решение это Владимир Ильич принял, как свидетельствуют очевидцы, не без раздумий. «Это был единственный случай,— писал в своих воспоминаниях В. Мюнценберг,— когда я встретил Ленина в сильном волнении и полным гнева. Короткими быстрыми шагами он обходил маленькую комнату и говорил резкими отрывистыми фразами... Ленин взвешивал все политические последствия, которые могла иметь поездка через Германию и предвидел ее использование фракционными противниками. Несмотря на это, окончательным выводом всех его слов было: мы должны ехать, хоть сквозь пекло» («Das Fazit aller seiner Reden aber lautet: „Wir müssen fahren, und wenn es durch die Hölle geht“») ⁵¹.

Признав решение представителей других партийных групп эмиграции — отложить отъезд до получения санкции из Петрограда — «в величайшей степени ошибочным и приносящим глубочайший вред революционному движению в России», Заграничная коллегия ЦК РСДРП 16(31) марта 1917 г. приняла постановление о возвращении в Россию через Германию⁵². Решающее влияние на принятие этого постановления оказали, несомненно, вызов В. И. Ленина Бюро ЦК в Петроград и сообщение о том, что должное руководство партийной работой в России из-за его отсутствия не обеспечивается.

Постановление Заграничной коллегии ЦК было передано лидерам меньшевиков и эсеров в Швейцарии Мартову и Натансону и доведено до всех эмигрантов: принять участие в поездке приглашались все политические эмигранты в Швейцарии, независимо от их партийной принадлежности и их отношения к войне. Уже на следующий день — 19 марта (1 апреля) — Натансон телеграфировал из Лозанны

⁵⁰ Русское Бюро ЦК РСДРП, зная с первых дней революции о препятствиях, чинимых возвращению эмигрантов, через Исполком Петроградского Совета обращалось к Временному правительству с предложением принять все меры к тому, «чтобы формальные соображения не препятствовали возвращению политических эмигрантов в пределы России» («Ленинский сборник II», стр. 458). Вопрос о возвращении эмигрантов, о препятствиях их приезду со стороны правительств Англии, Франции и России широко освещался на страницах русских газет, в том числе и в «Правде» (См. «Правда» № 10, 16(29) марта; № 11, 17(30) марта; № 16, 23 марта (5 апреля) и др.). В статье «Полиция жива» «Правда» писала: «Появляются известия, что французское и английское правительства стараются мешать возвращению в Россию наших товарищей, русских эмигрантов». Статья заканчивалась обращением к министру иностранных дел Временного правительства: «Г. Милюков, тот народ, который проложил вам дорогу к портфелю министра иностранных дел, требует от вас немедленных и решительных мер для обеспечения возвращения эмигрантов в Россию». («Правда», № 13, 19 марта (1 апреля) 1917 г.

⁵¹ W. Münzenberg. Die dritte Front, Berlin, 1930, S. 235—236.

⁵² В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 83—84. После принятия этого постановления большевики организовывали отъезд в Россию уже независимо от Цюрихского эмигрантского комитета, который также занял в этом вопросе позицию выжидания и проволочек. (См. «Швейцарский Центральный комитет для возвращения политических эмигрантов в Россию. Циркулярное письмо № 2», 31 марта 1917 г.; «Циркулярное письмо № 3», 2 апреля 1917 г.).

В. И. Ленину и в эмигрантский комитет Багоцкому, что социалисты-революционеры будут выступать против решения, принятого большевиками⁵³.

20 марта (2 апреля) постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП обсуждалось в Цюрихе на собрании социалистов-революционеров, меньшевиков и представителей групп «Начало», «Вперед» и ППС. Отмечая в своей резолюции, что возвращение эмигрантов в Россию через союзные страны оказалось невозможным и что вернуться на родину можно только через Германию, верные своему оппортунизму и напуганные революционной смелостью большевиков соглашатели, однако, признали это постановление политической ошибкой, поскольку, по их мнению, не была еще доказана невозможность добиться от Временного правительства согласия на обмен эмигрантов на интернированных в России немцев⁵⁴. У именовавших себя революционерами меньшевиков и эсеров не хватило духу использовать единственную возможность возвращения на родину без разрешения русской буржуазии.

В. И. Ленин тогда же заклеймил их, назвав «сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени»⁵⁵, боящимися того, что скажет «социал-патриотическая „княгиня Мария Алексеевна“».

В письме большевику В. М. Каспарову Н. К. Крупская сообщала: «По поводу отъезда меньшевики и с.р. подняли отчаянную склоку... считают отъезд через Германию ошибочным, надо-де сначала добиться согласия — одни говорят Милюкова, другие — Совета рабочих депутатов. Одним словом, по-ихнему выходит: сиди и жди»⁵⁶.

«Наши „интернационалисты“, меньшевики в первую голову, — писал в воспоминаниях о тех днях В. А. Карпинский, — узнав об отказе швейцарского правительства, забили отбой. Видно, одно было дело сболтнуть сгоряча смелую мысль, а другое дело — провести ее в жизнь. Меньшевики опасались, что проезд через Германию без официального благословения произведет очень плохое впечатление на „общественное мнение“. При первом же серьезном случае обнаружилось, что меньшевики-интернационалисты, как и следовало ожидать, боятся разорвать с правым, социал-патриотическим крылом своей партии. За меньшевиками потянулись другие колеблющиеся элементы — „впередовцы“ (Луначарский и пр.), „большевики-партийцы“ (Сокольников) и др., левые бундовцы, эсеры, анархисты»⁵⁷.

О том, что проезд эмигрантов через Германию будет использован буржуазией и социал-шовинистами против большевиков и других интернационалистов, Ленин знал и без меньшевиков. Но Ленин знал и другое — что широкие массы рабочих и солдат России не поверят грязной клевете буржуазии, а если часть из них на какое-то время и поддастся на провокацию враждебных пролетариату сил, то скоро обнаружит ее грязную подоплеку.

«Мы оказались перед выбором, — писали эмигранты-большевики из группы Ленина, — или ехать через Германию, или остаться за границей до конца войны»⁵⁸. Руководствуясь интересами партии, интересами революционной борьбы с капитализмом, большевики не отступили ни на шаг от принятого решения, несмотря ни на какие последующие проiski оппортунистов-соглашателей.

Не строил Владимир Ильич никаких иллюзий и относительно причин согласия германского правительства на пропуск эмигрантов через свою

⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, ед. хр. 20465, л. 1.

⁵⁴ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 127—128.

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 389.

⁵⁶ «Ленинский сборник XIII», стр. 271.

⁵⁷ В. А. Карпинский. Указ. соч., стр. 107.

⁵⁸ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 128.

территорию. «Игравшие судьбой нации империалистические авантюристы,— писал Вильгельм Пик о тогдашних руководителях Германии,—...приветствовали Февральскую революцию 1917 г. в России как „божий дар“, могущий ускорить победу Германии»⁵⁹. Немецкие империалисты понимали, что возвращение интернационалистов в Россию будет способствовать дальнейшему углублению революции и усилению движения за мир, что пойдет, как они надеялись, на пользу Германии.

Выступая 31 марта (13 апреля) 1917 г. в Стокгольме перед шведскими левыми социал-демократами с сообщением о проезде через Германию, В. И. Ленин осветил и эту сторону вопроса. «Естественно, заявил Ленин,— пишет в воспоминаниях участник этой встречи Ф. Стрём,— немецкое правительство, когда оно разрешило проезд, спекулировало на нашей оппозиции буржуазной революции, но этим надеждам не суждено оправдаться. Большевицкое руководство революцией будет гораздо опаснее для немецкой императорской власти и капитализма, чем руководство революцией Керенского и Милюкова»⁶⁰.

Интернационалисты европейских социалистических партий, одобрявшие проезд русских эмигрантов через Германию, заявили им еще в Берне: «Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюковы охотно выпустили бы его в Германию; Бетман-Гольвеги выпускают вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело — ехать в Россию и бороться там и с германским и с русским империализмом»⁶¹. Однако «выпустить» Карла Либкнехта в Германию милюковы не могли. За антимилитаристскую пропаганду он был осужден правительством Германии и находился в каторжной тюрьме Люкау. Не имея физической возможности «выпустить» К. Либкнехта в Германию, английские, французские и русские империалисты широко распространяли в Германии его боевые antimилитаристские памфлеты, в частности написанные весной 1916 г. письма Либкнехта в суд при королевской военной комендантуре в Берлине⁶². В этих замечательных письмах К. Либкнехт последовательно разоблачал грабительский и разбойничий характер мировой войны, империалистическую сущность внутренней и внешней политики германского милитаризма и призывал пролетариат к интернациональной классовой борьбе против капиталистических правительств всех стран, за уничтожение гнета и эксплуатации, за прекращение войны и за мир в духе социализма⁶³.

Немецкие милитаристы на себе чувствовали, как милюковы, брианы и ллойд-джорджи «выпускали» к ним К. Либкнехта. Следовательно, давая разрешение на проезд революционных эмигрантов из Швейцарии в Россию через свою территорию, они прибегали по существу к тем же методам борьбы против России и Антанты. Эту борьбу между правительствами воюющих империалистических стран и использовал В. И. Ленин для возвращения в Россию⁶⁴.

⁵⁹ Вильгельм Пик. Предисловие к книге «Карл Либкнехт. Избранные речи, письма и статьи», М., 1961, стр. 32.

⁶⁰ Fredrik Ström. I stormig tid. Memoarer. Norsted, Stockholm, 1942. См. также Н. К. Крупская. Страницка из истории партии. «Записки Института Ленина», II, стр. 153.

⁶¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 121.

⁶² ЦГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 2652, л. 2—3об.

⁶³ См. Карл Либкнехт. Избранные речи, письма и статьи, М., 1961, стр. 379—385, 388—396.

⁶⁴ Буржуазные историки, сочиняющие всевозможные небылицы о мнимых связях Ленина и большевиков с немцами, в силу чего, мол, те и пропустили их в Россию, обходят полнейшим молчанием эту сторону рассматриваемого вопроса. И неудивительно — ведь объективное раскрытие истинных мотивов согласия немцев на пропуск эмигрантов подрывает фальсификаторские основы их писаний, подготовленных по заказу различных рокфеллеровских, фордовских и т. п. антикоммунистических фондов пропаганды.

За группой русских эмигрантов, решивших вернуться на родину через Германию, внимательно следили представители английского и французского правительств. «Английский и французский представители — доносил позднее Милюкову поверенный в делах в Берне Ону, — с чрезвычайным беспокойством смотрели на проектируемый отъезд группы Ленина»⁶⁵. И дальше Ону объяснил причину их беспокойства: пропаганда против войны в России от этого может усилиться. О подготовке отъезда эмигрантов через Германию английский посланник сообщил в Лондон. Из Лондона передали английскому послу в Петрограде Бьюкенену, чтобы он указал Милюкову на необходимость принятия срочных мер. О результатах разговора с Милюковым Бьюкенен сообщил в Лондон: «На мой вопрос, что он намерен предпринять, чтобы предупредить эту опасность, он ответил, что единственное, что можно было бы предпринять, — это опубликовать их фамилии и сообщить тот факт, что они направляются через Германию; этого было бы достаточно, чтобы предотвратить их приезд в Россию»⁶⁶.

Вскоре в широко распространенной французской газете «Petit Parisien» появилось сообщение, что русские политические эмигранты, решившие возвращаться через Германию, будут объявлены государственными изменниками и преданы в России суду. Такой угрозой Милюков и Бьюкенен хотели предотвратить приезд интернационалистов в Россию, и ее действительно оказалось достаточно, чтобы запугать меньшевиков и эсеров. Но вождя большевистской партии угроза Бьюкенена — Милюкова не остановила. Революция звала его, он был нужен партии и революции, и он ехал в Россию.

После постановления Заграничной коллегии ЦК РСДРП Р. Гримм повел себя крайне двусмысленно, и организаторы поездки отказались от его дальнейших услуг, поручив доведение дела с поездкой до конца секретарю Швейцарской социал-демократической партии, видному интернационалисту Фрицу Платтену⁶⁷. 21 марта (3 апреля) Ф. Платтен посетил немецкого посла в Берне Ромберга и сообщил ему условия, на которых русские эмигранты согласны воспользоваться разрешением германского правительства о пропуске их через Германию. Эти условия во всем основном совпадали с ранее составленными В. И. Лениным условиями проезда через Англию. Их главные пункты предусматривали, что едут все эмигранты, независимо от их взглядов на войну; вагон, в котором они поедут, должен пользоваться на территории Германии правом экстерриториальности и никто без разрешения Платтена не может в него входить; контроль багажа и паспортов не проводится. Со своей стороны едущие приняли на себя обязательство по возвращении в Россию агитировать за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число интернированных в России немцев и австрийцев. Никаких других обязательств они на себя не брали⁶⁸.

Эти условия 23 марта (5 апреля) были приняты немецкими властями, и подготовка к отъезду приняла уже практический характер.

Много неотложных дел надо было сделать в считанные дни: выявить всех желающих ехать с первой партией, изыскать деньги на проезд, подготовить ряд важных документов и др. Группа желающих ехать через Германию к 19 марта (1 апреля) состояла лишь из 10 человек⁶⁹. «Вла-

⁶⁵ АВПР, ф. Миссия в Берне, 1917—1918 гг., оп. 843/2, д. 416, л. 14.

⁶⁶ Там же, ф. Канцелярия, «Война», д. 205, л. 44; А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 8—9.

⁶⁷ Большевики и эсеры, — писала Н. К. Крупская В. М. Каспарову, — «настроили Гримма соответствующим образом и чуть не сорвали всего дела. Но помог Платтен...» («Ленинский сборник XIII», стр. 271).

⁶⁸ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 127.

⁶⁹ «Ленинский сборник XIII» стр. 265.

димир Ильич,— пишет в воспоминаниях член Цюрихской секции большевиков М. Харитонов,— очень заботился о том, чтобы все члены нашей секции, у которых только была физическая возможность, смогли поехать»⁷⁰.

Ленин просил Карпинского, оставшегося представителем большевиков в Женеве, известить Абрамовича, чтобы тот поторопился со сборами, цюрихских большевиков просил известить об отъезде Гобермана в Лозанне и «выяснить точно, (1), кто едет, (2) сколько денег имеет»⁷¹. Узнав, что Миха Цхакая совсем не имеет денег на дорогу, он сообщает, что «Михе оплатим поездку»⁷². М. Харитонova он просит разыскать большевика рабочего А. Линде и помочь ему подготовиться к отъезду⁷³. Большевистские группы в Швейцарии по просьбе Ленина довели до сведения эмигрантов всех политических направлений, что желающие ехать в первой партии могут присоединиться к группе. За несколько дней первоначально маленькая группа отъезжающих выросла до 32 человек (19 большевиков, 6 бундовцев, 3 сторонника парижской интернациональной газеты «Наше слово» и др.)⁷⁴.

На поездку нужны были деньги, а «хроническое безденежье», как писал в воспоминаниях В. А. Карпинский, было постоянным спутником эмигрантской жизни. Пришлось занимать всюду, где только можно было занять. «Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки»,— телеграфировал Ленин Ганецкому⁷⁵. Вскоре Владимир Ильич сообщил И. Арманд: «...денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10—12 хватит, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме»⁷⁶.

Однако ехать согласились 32 человека, и на такую группу «стокгольмских денег» не хватило. Пришлось занимать еще у швейцарских товарищей⁷⁷.

В то время как Ленин был целиком поглощен подготовкой к отъезду, эмигранты-соглашатели развернули разнузданную агитацию против поездки. 22 марта (4 апреля) в Женеве состоялось многолюдное партийное собрание эмигрантских организаций, на котором план ЦК РСДРП был отвергнут⁷⁸. Лозанско-кларанская группа эсеров и социал-демократов-

⁷⁰ М. Харитонов. Из воспоминаний. «Записки Института Ленина», II, стр. 145.

⁷¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 255; т. 36, стр. 389.

⁷² «Ленинский сборник XIII», стр. 268.

⁷³ М. Харитонов. Указ. соч., стр. 145.

⁷⁴ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 119.

⁷⁵ «Ленинский сборник XIII», стр. 265.

⁷⁶ Деньги были посланы в Стокгольм Русским бюро ЦК РСДРП (См. А. Шляпников. Указ. соч., стр. 450).

⁷⁷ «Денег,— в которых мы, как о том клеветали враги, утопали,— мы совершенно не имели,— пишет Ф. Платтен.— В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской партии не открыло нам кредита на 3000 фр. под поручительство Ланта и Платтена» (Фриц Платтен. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917 г., стр. 42). Но и занятых в Швейцарии денег на всю дорогу тоже не хватило — эмигранты дополнительно кредитовались в Стокгольме. Ф. Стрём так рассказывает об этом в своей книге: «Мы взяли в долг, вдруг сказал Ленин, несколько тысяч крон для поездки у одного швейцарского партийного товарища — фабриканта. Не могли бы вы взять в долг несколько тысяч крон у нескольких рабочих организаций; трудно ехать через вашу протяженную страну и через Финляндию. Я обещал попытаться и позвонил нескольким профсоюзным руководителям, нашему издателю и Фабиану Монссону, чтобы провести сбор денег в риксдаге. Фабиан достал несколько трехсотенных. Он пошел, между прочим, к Линдману, который был министром иностранных дел. «Я подпишусь охотно на сотню крон, только бы Ленин уехал сегодня». — сказал Линдман. Несколько буржуазных членов риксдага подписались потому, что Фабиан сказал: «Они будут завтра управлять Россией». В это Фабиан совершенно не верил, но это помогло, и он, во всяком случае, оказался прав! Мы собрали несколько сотен крон, и Ленин был доволен. Он был бедным человеком. Таким образом, он мог расплатиться за отель и за билеты до Хапаранды» (Fredrik Ström. Op. cit.).

⁷⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 27450, л. 1.

партийцев 23 марта (5 апреля) приняла резолюцию протеста против готовящегося отъезда группы Ленина через Германию⁷⁹. Недоброжелательную позицию занял и Цюрихский эмигрантский комитет. Исполнительная комиссия комитета 22 марта (4 апреля) приняла резолюцию, в которой призвала «все местные организации и отдельных товарищей не вносить дезорганизации в дело возвращения политической эмиграции и дожидаться результата шагов, предпринятых ЦК, как органом политической эмиграции в целом»⁸⁰.

В эмигрантских кругах, не одобрявших отъезда группы Ленина через Германию, предлагали послать в Петроград кого-либо из швейцарских товарищей, чтобы он доложил в Совете о положении эмигрантов в Швейцарии. В крайнем случае предлагали послать специальную телеграмму в Совет. В. И. Ленин не возражал против посылки телеграммы в Совет, но будучи уверен, что эсеро-меньшевистское большинство Совета не поддержит их плана, не считал возможным из-за ожидания ответа откладывать поездку.

Сообщая 23 марта (5 апреля) о настоятельном требовании меньшевиков дожидаться санкции Совета, он просил Ганецкого послать «кого-нибудь договориться с Чхеидзе насколько это возможно», а также выяснить мнение Бюро ЦК по этому вопросу⁸¹. Бюро ЦК, еще ранее узнав от Ганецкого о плане проезда через Германию, полностью этот план одобрило и в телеграмме, посланной из Петрограда 23 марта (5 апреля) Ганецкому, подтверждало, что «Ульянов должен немедленно приехать»⁸². На следующий день Ганецкий и Воровский переслали телеграмму Ленину, добавив от себя: «Просим непременно сейчас же выехать, ни с кем не считаясь»⁸³.

В. И. Ленин знал, что клевете, которая будет возводиться шовинистами на большевиков за их проезд через Германию, они должны противопоставить документы, которые свидетельствовали бы, что иного выхода у них не было. Поэтому он советовал Ганецкому каждый шаг протоколировать, собирать «документы против Милюкова и К^о, способных затягивать дело, кормить обещаниями, надувать и т. д.»⁸⁴. С Карпинским он договорился о посылке через Стокгольм в Петроград материалов, которые обрисуют перед всеми печальную роль союзных России правительств в вопросе возвращения русских политических эмигрантов⁸⁵.

В. И. Ленин считал необходимым составить протокол о поездке и пригласить для подписания его не только отъезжавших большевиков-эмигрантов, но и интернационалистов социалистических партий Европы, которые считали проезд русских революционеров через Германию при создавшейся обстановке не только их революционным долгом, но и революционной обязанностью.

Видные представители интернационалистических групп европейских социалистических партий Ф. Лорио и А. Гильбо (Франция), П. Леви (П. Гартштейн, Германия), М. Бронский (Польша) и Фр. Платтен (Швейцария) 25 марта (7 апреля) в Берне подписали специальное заявление, в котором подчеркивалось, что в сложившейся для русских эмигрантов в Швейцарии обстановке они «не только вправе, но обязаны

⁷⁹ «Бюллетень Исп. комиссии», № 1—2, Цюрих, 10 апреля 1917 г., стр. 2.

⁸⁰ Там же, № 1, Цюрих, 5 апреля 1917 г., стр. 2; № 1—2, стр. 2.

⁸¹ В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 390.

⁸² А. Шляпников. Указ. соч., стр. 449. При втором выезде М. И. Стецкевич в Стокгольм в конце марта,— писал А. Шляпников,— ей «был дан наказ: В. И. Ленин должен проехать каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным» (стр. 450).

⁸³ «Ленинский сборник XIII», стр. 270.

⁸⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 249.

⁸⁵ См. там же, стр. 254; ПСС, т. 31, стр. 119, 487.

воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию». Интернационалисты европейских партий пожелали отъезжавшим русским революционерам успехов в их борьбе против империалистической политики русской буржуазии, которая, как они писали, «является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социалистическую революцию»⁸⁶.

Заявление интернационалистов было включено в протокол о проезде эмигрантов через Германию, составленный и подписанный большевиками в Берне на следующий день⁸⁷. В этом протоколе подробно освещались все обстоятельства подготовки отъезда эмигрантов из Швейцарии в Россию, подчеркивалось, что условия, которых они добились от немецких властей, делают проезд через Германию приемлемым, и выражалась твердая уверенность, что рабочие интернационалисты в России вполне солидаризируются с их шагом⁸⁸.

До самого момента отъезда большевики приглашали эмигрантов других направлений присоединиться к их поездке. Но после заметки в «*Revue Parisien*» меньшевики и эсеры и слышать об этом не хотели. 23 марта (5 апреля) члены Исполнительной комиссии Цюрихского эмигрантского комитета Андронников, Багоцкий, Иоффе, Мандельберг, Рейхесберг, Семковский, Г. Ульянов, Фраткин и др. направили в Петроград Чхеидзе, Керенскому и Комитету помощи ссыльным и эмигрантам (Комитету В. Фигнер) телеграмму, в которой сообщали, что русские эмигранты в Швейцарии лишены возможности выехать в Россию, поскольку препятствия к их возвращению через Францию и Англию непреодолимы. «По нашему убеждению, — говорилось в телеграмме, — единственный реальный путь — соглашение России с Германией, по примеру практиковавшегося уже во время войны обмена гражданских пленных, о пропуске эмигрантов взамен освобождения интернированных в России гражданско-пленных». В заключение члены Исполнительной комиссии убедительно просили соглашателей в Петрограде принять меры к возвращению их в Россию⁸⁹.

В тот же день лидеры меньшевиков и эсеров и присоединившиеся к ним представители некоторых других направлений эмиграции — Мартов, Натансон, Аксельрод, Мартынов, Луначарский, Рязанов и др. направили по тем же трем адресам телеграмму от себя. «Констатируем абсолютную невозможность возвращения в Россию через Англию, — писали они. — При таких условиях политическая амнистия окажется фиктивной, если не будут приняты экстра-ординарные меры. Поддерживаем план, выдвинутый Центральным эмигрантским комитетом в телеграмме Чхеидзе, Керенскому, Фигнер»⁹⁰.

⁸⁶ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 129. Во время проезда эмигрантов через Стокгольм к бернскому заявлению интернационалистов присоединились и подписали его шведские социал-демократы К. Линдхаген, Ф. Стрём, К. Карльсон, К. Чильбум, Туре Нерман и норвежский социалист А. Хансен.

⁸⁷ Протокол о проезде был подписан затем и эмигрантами других партий, возвращавшимися в Россию с группой Ленина.

⁸⁸ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 128.

⁸⁹ «Бюллетень Исп. комиссии», № 1—2.

⁹⁰ «Бюллетень Исп. комиссии», № 1—2. Телеграммы были получены в Петрограде 28 марта (10 апреля) и переданы Милюкову. 6(19) апреля он ответил Цюрихскому эмигрантскому комитету и лидерам меньшевиков и эсеров, что проезд через Германию в обмен на интернированных в России немцев признан невозможным, и обещал оказать им содействие для возвращения через Англию. Во второй половине апреля (в начале мая) Чхеидзе, Скобелев, Дан и Церетели телеграфировали в Берн заграничной секции Организационного комитета меньшевиков о необходимости отказа от плана проезда через Германию, так как «это произвело бы весьма печальное впечатление». (ЦПА ИМЛ, ф. 451, оп. 3, д. 20426, л. 1). Дальше шли заявления, что они надеются получить разрешение на проезд эмигрантов через Англию. Поскольку обещания о содействии эмигрантам в проезде через Англию так и остались обещаниями, то эсерово-меньшевистская эмиграция устремилась в Россию по пути, по которому возвращалась группа Ленина

В тот же день Цюрихский эмигрантский комитет обратился в российскую миссию в Берне с вопросом — есть ли путь для возвращения эмигрантов в Россию. Из миссии Комитету ответили: «В настоящее время пути для проезда в Россию нет»⁹¹. В этой обстановке запуганные Милюковым меньшевики и эсеры отказались присоединиться к ленинской группе эмигрантов, возвращавшихся в Россию единственно возможной дорогой. Мартов сообщил Платтену, что меньшевики остаются при своем старом решении, что они по-прежнему будут ждать санкции Временного правительства⁹².

27 марта (9 апреля) в 15 час. 10 мин. группа русских политических эмигрантов во главе с В. И. Лениным выехала из Швейцарии в Россию через Германию. На Цюрихском вокзале кучка меньшевиков и эсеров устроила отъезжающим враждебную демонстрацию. Рязанов отъезд революционеров через территорию Германии назвал тогда безумием⁹³.

Эмигранты-большевики, не успевшие выехать с Лениным, тепло провожали отъезжающих, желали им успехов в революционной работе в России. В адрес В. И. Ленина поступали телеграммы из разных городов Швейцарии. «Привет друзьям и товарищам,— телеграфировал из Женевы большевик Ильин.— Восторженно приветствуем ваш отъезд. Огорчены, что не можем ехать с вами. Счастливого пути. Лучшие пожелания. До скорого свидания, с Вами душой и сердцем»⁹⁴. «Когда Ильич едет в Россию, или он, может быть, уже поехал? — писали в день отъезда большевики В. Загорский и В. Соловьев.— Ну, покуда всех благ! До скорого свидания на работе в Питере или в Москве»⁹⁵.

Условия проезда через Германию, выработанные В. И. Лениным, немецкие власти выполнили точно. Из Тайнгена, через Готтмадинген, Франкфурт, Штуттгарт и Берлин эмигранты прибыли в Засниц, откуда морем достигли Треллеборга и по железной дороге из Мальме приехали утром 31 марта (13 апреля) в Стокгольм. Здесь их встретили представители левой шведской социал-демократии К. Линдхаген, Ф. Стрём и корреспондент социал-демократической газеты «Politiken». В. И. Ленин передал для этой газеты коммюнике группы, в котором были изложены все обстоятельства, касающиеся поездки. Затем он подробно остановился на этих вопросах на совместном совещании эмигрантов и шведских социал-демократов — интернационалистов. В Стокгольме В. И. Лениным было создано Заграничное бюро ЦК РСДРП(б) для информации иностранных рабочих о событиях и задачах русской революции.

Ленин не задерживался в Стокгольме. «Самое важное,— заявил он корреспонденту газеты «Politiken»,— чтобы мы прибыли в Россию *как можно скорее*. Дорог каждый день»⁹⁶.

и который они в свое время считали неприемлемым. «Во вторник 9 мая,— писал в этой связи В. И. Ленин,— из Швейцарии приехало свыше 200 эмигрантов, проехавших через Германию, в том числе вождь меньшевиков Мартов, вождь социалистов-революционеров Натансон и др. Этот проезд еще и еще раз доказал, что из Швейцарии нет другого надежного пути, кроме как через Германию». (В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 73).

Состоявшаяся в мае в Петрограде Всероссийская конференция с.д. меньшевиков и объединенных организаций признала, что Аксельрод, Мартов, Мартынов и др., вернувшиеся в Россию через Германию, «исполняли свой партийный и революционный долг, спеша вновь вернуться к активной революционной борьбе в России» и признала своим долгом «всемерно бороться против всяких клеветнических наветов на этих товарищей за проезд через Германию» («Протоколы Всероссийской конференции с.д. меньшевиков и объединенных организаций», Петроград, 1917). Дождавшиеся проезда через Англию эмигранты, объединенные Бернским комитетом, в августе 1917 г. с обидой телеграфировали Керенскому и Авксентьеву: «Циммервальдисты уехали, мы остались».

⁹¹ «Бюллетень Исп. комиссии», № 1—2, стр. 2.

⁹² «Бюллетень Исп. комиссии», № 3, Цюрих, 15 апреля 1917 г.

⁹³ Ф. Платтен. Указ. соч., стр. 119—120.

⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, ед. хр. 20437, л. 1.

⁹⁵ Там же, оп. 13, ед. хр. 27417, л. 1.

⁹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 95.

Поскольку угроза Милюкова о предании эмигрантов суду за проезд через Германию не остановила В. И. Ленина, английские власти, как пишет об этом Говард, намеревались насильно задержать его в Швеции. Из дневника лидера шведской правой социал-демократии Э. Пальмшерна стало известно, что вынашивались даже планы убийства В. И. Ленина во время его проезда через Стокгольм. Но после тщательных размышлений английские власти решили отказаться от осуществления этих планов, организовав клеветническую кампанию против вождя большевистской партии⁹⁷.

31 марта (13 апреля) в 6 час. 37 мин. вечера эмигранты выехали из Стокгольма в Россию через Финляндию.

С приближением к России они все больше думали, насколько реальна угроза Милюкова. Ведь многого о положении дел в Петрограде они не знали. «Во время поездки между Стокгольмом и Торнео,— пишет в воспоминаниях участник поездки Шейнессон,— в вагоне был устроен митинг, на котором Ленин выступил и указал, как мы должны держать себя на суде, если русские власти захотят из нашего приезда создать политический процесс»⁹⁸.

Еще на собрании в Берне большевики решили, что если им в России будут предъявлены какие-либо обвинения за проезд через Германию, то они потребуют открытого суда, чтобы превратить его в суд над Временным правительством, продолжающим реакционную войну и в борьбе со своими противниками действующим методами царского режима. Но до суда дело не дошло — Временное правительство было бессильно выполнить свою угрозу.

Из телеграммы В. И. Ленина, посланной им из Торнео М. И. Ульяновой и в «Правду», революционный Петроград узнал о приезде вождя и вышел встречать его.

3 (16) апреля В. И. Ленин приехал в Петроград и был восторженно встречен трудящимися. Возвращение В. И. Ленина в Россию имело величайшее значение для победоносного исхода революции в нашей стране. На площади Финляндского вокзала с башни броневика перед тысячами встречавших его революционных рабочих, солдат и матросов Ленин открыто и смело призвал партию, рабочий класс и революционную армию на борьбу за социалистическую революцию.

Став во главе большевистской партии и революционных масс, он обеспечил выработку правильной стратегии и тактики партии, претворение их в жизнь в ходе революции и завоевание диктатуры пролетариата в нашей стране

⁹⁷ Lord Howard of Penrith. Theatre of Life. II, London, 1936, p. 264. (Привожу по кн. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution, Durham, N 9, 1954, Duke University Press, p. 42); Кнут Бекстрём. Ленин в Швеции в 1917 году. «Новая и новейшая история», 1960, № 2, стр. 96.

⁹⁸ Шейнессон. Воспоминание участника поездки. «Джеттысуйская Искра», Алма-Ата, 21 января 1924 г.; см. также М. Харитонов. Указ. соч., стр. 145.